

Глава 201: Два подростка по обе стороны от плетеного ограждения

Чэнь Чан Шэн вошел в Мавзолей Книг и не рассматривал Небесные Тома. Вместо этого он рассматривал окружение. Никто не знал, о чем он думал или почему он сделал такую вещь. В действительности, даже он сам не понимал, почему отказывался сделать даже один шаг в Мавзолей Книг или рассматривать каменные монолиты. Он только желал войти и осмотреться в парке под мавзолеем.

Глядя на заходящее солнце вдали, его рука опустилась на рукоять короткого меча, а его духовное чувство (прим.пер. оно же божественное чувство) мягко пронеслось над черным камнем внутри. Лишь чувствуя эту мягкую ауру, он стал более осознанным и понял, что рассматривание окружения изначально представляло его нерешительность. Эта нерешительность означала, что он подсознательно не хотел продолжать культивировать.

Культивация заставляла людей созревать и становиться сильнее. Только истинные эксперты могли бы последовать инструкциям, которые Павильон Нисходящего Тумана дал ему для изменения судьбы. Только вот... он до сих пор должным образом не начал этот путь. Он уже видел кровавые сцены в конце долгого пути, и эти сцены заставили его ноги стать невероятно тяжелыми и неподвижными.

Ранее он не думал о таких вопросах, потому что все было предельно простым перед жизнью и смертью. Лишь продолжая жить он мог иметь право думать об этом. Однако, в настоящее время он все еще был далек от решения этой проблемы. Тем не менее, он уже начал думать о другом вопросе. Это на самом деле можно считать несколько не шаблонным, но, конечно, это был тип счастья с другой точки зрения.

Сумерки медленно сгущались, и зеленая гора, казалось, горела в вечерней заре. Он уже обошел один круг вокруг Мавзолея Книг и прибыл в лесистую местность в юго-западном углу. Он увидел соломенную хижину.

Соломенная хижина была построена очень просто, и даже была видна кора на деревянных балках. Это казалось невероятно грубым. Он не знал, когда солома на крыше менялась в последний раз. Было темно, пыльно и очень неприглядно.

Если испытуемые хотели остаться в Мавзолею Книг на долгое время, им нужно было найти место, чтобы жить и спать. Чэнь Чан Шэн решил не принимать договоренности с другими испытуемыми, потому что он подсознательно не хотел слишком сближаться с зеленой горой и каменными монолитами, вид которых он упустил сегодня. Он решил осмотреться и увидеть, мог ли он остаться здесь или нет.

Он позвал к соломенной хижине из вежливости, но никто не ответил. Подумав мгновение, он поднялся по каменным ступеням и толкнул дверь, чтобы войти. Он осознал, что в соломенной хижине было всего несколько простых предметов мебели. Поверхность стола была покрыта тонким слоем пыли, а резервуар для воды, расположенный за задней дверью, был почти пуст. Однако, в рисовой бочке было много риса.

Вероятно, был кто-то, кто жил здесь, но этот человек жил крайне небрежно. Так как у Чэнь Чан Шэна была легкая мизофобия, он покачал головой, увидев состояние дома. Однако, он не ушел. Раздумывая некоторое время, он нашел тряпку и ведро в углу комнаты и начал уборку.

От деревни Си Нин до столицы и от старого храма до Ортодоксальной Академии, он был лучшим в уборке двора и стирке одежды, а не чтении. Вскоре после этого внутренняя часть соломенной хижины была невероятно чистой от очистки Чэня. Чистая вода журчала в емкости

для воды. В доме совсем не было признаков паутины. Хотя комната не сильно отличалась от прежнего, она по крайней мере достигла его стандарта и люди смогли бы жить в ней в настоящее время.

Он позволил рису стоять на медленном огне, пока разделявал соленую рыбу, которая висела в комнате дома, и пропарил ее треть. Он вышел во двор и вырвал немного бок-чоя (прим.пер. китайская капуста). Он помыл его, а затем зажарил. Сделав это, он тщательно вымыл руки и использовал свой платок, чтобы полностью высушить руки, прежде чем сесть на каменных ступенях. Вновь он начал смотреть на окружение пустым взглядом.

Сумерки медленно исчезли и Мавзолей Книг медленно потемнел. Окружение уже не было столь приятным, как ранее, но люди почувствовали более таинственное чувство. Эти зеленые горные леса превратились в чернильные кляксы, напоминающие несколько символов.

Несколько тысяч лет назад Лорд Демонов изучал Дао в Мавзолее Книг в течение десяти лет. В те дни Чжоу Ду Фу использовал три дня и три ночи, чтобы полностью понять все каменные монолиты, тем самым достигнув верхней части мавзолея. Было очень много подобных историй в истории мавзолея, наверное даже слишком много. Это было потому, что это место всегда было легендарной святой землей.

Думая об этих историях и легендах или о божественном генерале номер один на континенте, который оставался в павильоне в течение сотен лет, Чэнь Чан Шэн был немного тронут. Его глаза становились все темнее и темнее из-за цвета ночи.

«Тоска и благоговение - это очень нормально, но... ты только смотришь на это с одной стороны, и ты не делаешь абсолютно ничего. На мой взгляд, это крайне глупо... и ты тратишь свою жизнь».

Голос вошел из-за пределов рваной плетеной ограды соломенной хижины. Этот человек говорил очень медленно, и у него не было каких-либо явных колебаний в его голосе. Это звучало, как скучная запись.

Чэнь Чан Шэн повернул голову, чтобы взглянуть на него, и увидел подростка, который стоял за плетеной оградой. Подросток был очень худым и на его лице не было никакого выражения. Он казался очень апатичным, как и его простые брови.

Это был юноша из волчьего племени, Чжэ Сю.

Чэнь Чан Шэн знал, что Чжэ Сю заработал достаточно военных заслуг на северной границе, чтобы легко получить право на вход в Мавзолей Книг. Тем не менее, он ждал его много дней в Ортодоксальной Академии, но тот никак не появлялся. Вместо этого, он недавно вошел в мавзолей с испытуемыми трех высших рангов Великого Испытания, так что это было какое-то совпадение.

Он сжал свои руки, чтобы поприветствовать подростка за плетеной оградой и сказать, подумав: «Слушать песни, смотреть драмы и читать романы, разве не существует на самом деле много людей, которые тратят попусту свою жизнь? Я тоже очень хочу испытать такое чувство».

«Но ты... не такой человек», - Чжэ Сю посмотрел на него и говорил из-за плетеной ограды, отделяющей их. Его голос все еще был сухим и неловким, но он определенно был почти бесспорным.

Чэнь Чан Шэн молчал и ответил только через некоторое время: «Есть некоторые вещи,

которые я не могу понять. И пока я не могу понять их, я временно не хочу ничего делать. По крайней мере, я не хочу ничего делать сегодня».

Он только встретил Чжэ Сю на Великом Испытании, так что не был хорошо знаком с ним. Кроме того, его первым впечатлением было то, что подросток волчьего племени был чрезвычайно опасным и очень бдительным. Однако, когда сумерки поглотили Мавзолей Книг сегодня, он вдруг обнаружил, что этот подросток волчьего племени, казалось, был в состоянии понять его собственное замешательство по какой-то неизвестной причине. Возможно, это было связано с жестокостью крайне ветреной и снежной погоды на северных равнинах или слухами относительно этого подростка.

«Действительно ли жизнь - самое главное?» - Он посмотрел на Чжэ Сю и серьезно спросил его.

Пятнадцатилетний подросток задал своему сверстнику вопрос, касающийся жизни или смерти. Казалось бы, очень философский вопрос, и над ним определенно смеялись бы люди, если бы это было спрошено в столичной академии.

Однако, Чжэ Сю не был нормальным подростком, поэтому он не смеялся над Чэнь Чан Шэном. Вместо этого, он молчал очень долгое время. Лишь очень серьезно обдумав этот вопрос, он дал свой ответ.

«Жизнь - это не самое главное».

В снежных и ветреных северных границах жизнь была чрезвычайно трудным делом. Она была еще труднее для выживания молодого волка смешанных кровей, который был изгнан из своего племени с юности. Чжэ Сю удалось выжить любой ценой, и он сделал бесчисленные холонокровные вещи, чтобы выжить. Тем не менее, он не верил, что жизнь была самой важной вещью.

Этот ответ был несколько шокирующим.

Чэнь Чан Шэн глубоко размышлял над этим и сказал: «Спасибо».

Из-за пределов плетеной ограды Чжэ Сю ответил: «Не стоит».

Затем Чэнь спросил: «Тогда, что самое главное для тебя?»

Чжэ Сю сказал: «Жить трезво или умереть трезво».

Как раз в этот момент послышался скрип перед соломенной хижинкой. Плетеная ограда распахнулась, чтобы открыть отверстие, и внутрь вошел мужчина. У него были спутанные волосы и грязное лицо, а его одежда была старой и потертой. Однако, он не выглядел слишком старым, и среди его спутанных волос была видна пара ярких и чистых глаз. Он посмотрел на двух подростков, которые стояли на противоположных сторонах плетеной ограды, и смотрел так, как будто хотел что-то спросить. Однако, он не стал спрашивать по какой-то неизвестной причине.

Тишина покрыла как внутреннюю, так и внешнюю сторону плетеной ограды. Это молчание было несколько странным.